

Дискуссии и обсуждения

НАЦИЯ И ЯЗЫК

М. И. Исаев

Вопросам развития национальных языков уделялось много внимания в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Они неоднократно подчеркивали важность языка для этнического и национального развития народов. В. И. Ленин писал: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого... торгового оборота, свободной и широкой группировки населения...»¹. Изучение многочисленных высказываний В. И. Ленина по национальному вопросу не оставляет никакого сомнения в том, что он придавал языковому признаку при определении нации первостепенное значение.

Чрезвычайно важная роль языка в жизни нации долгое время никем не ставилась под сомнение. И в настоящее время эта роль признается большинством ученых. Вместе с тем в ряде случаев мы сталкиваемся с известным умалением значения языка в национальном развитии народов. Внешне это зачастую проявляется в том, что, предлагая свое определение понятия «нация», некоторые авторы «зادвигают» языковой признак на второе, третье или четвертое место. При этом они не приводят необходимой аргументации. В этом отношении небезупречна и статья П. М. Рогачева, М. А. Свердлина, которой открывается дискуссия по теории нации. Авторы приводят большой и интересный материал, в частности по истории развития языков. Со многими положениями этой статьи нельзя не согласиться. «Важным, устойчивым и самым очевидным признаком нации,— пишут они,— является язык»². Однако ниже мы читаем предлагаемое П. М. Рогачевым и М. А. Свердлиным новое определение: «Нация — это исторически сложившаяся общность людей, характеризующаяся устойчивой общностью хозяйственной жизни (при наличии рабочего класса), территории, языка (особенно литературного), самосознания этнической принадлежности, а также некоторых особенностей психологии, традиций быта, культуры и освободительной борьбы»³. Как видим, «самый очевидный признак» оказался на третьем месте.

Некоторые ученые идут дальше, доходя до отрицания наличия языковой общности наций в отдельных случаях⁴.

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 258—259.

² П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. О понятии «нация». «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 38.

³ Там же, стр. 45.

⁴ И. П. Цамерян справедливо критикует С. А. Токарева, считающего языковой признак необязательным на том основании, что иногда на одном языке говорят разные нации (И. П. Цамерян. Актуальные вопросы марксистско-ленинской теории нации. «Вопросы истории», 1967, № 6, стр. 187).

В интересной работе «Народность как социальная общность» А. Г. Агаев пишет о «реальном существовании отдельных этнических общностей, в том числе народностей и наций, без общности территории, общности языка и т. д.»⁵. Это, по-видимому, не совсем точно, так как из этого следует, что на свете существуют нации, у которых нет языковой общности.

Выступивший в дискуссии А. В. Санцевич, вспоминая приведенный П. М. Рогачевым и М. А. Свердлиным «нетипичный случай языкового развития в мордовской нации» (наличие двух этнических групп — эрзя и мокша), также говорит «о существенных языковых различиях в бельгийской, швейцарской, канадской нациях. Даже в Финляндии наряду с финским широко распространен шведский язык»⁶. Таким образом, А. В. Санцевич умножает число «исключений», что дает ему основание умалить еще более значение языкового признака. При этом он не в пример некоторым другим авторам не просто отодвигает язык в конец перечня признаков нации, а вообще не включает его в определение понятия нации, которая для него просто «исторически сложившаяся общность людей в экономической, политической и культурной жизни на общей территории при активной роли рабочего класса в революционной борьбе и социальных преобразованиях, общности исторических традиций»⁷. По-видимому, о языке вообще нечего и говорить, когда речь идет об определении нации.

Хочется сразу же сказать о своем полном несогласии с такой точкой зрения. На наш взгляд, язык — наиболее очевидный и существенный признак нации. Говоря в общем плане, для нас не существует нации без языковой общности, так же как само человечество не существует без языка.

Как и всякое сравнение, приведенная аналогия относительна. Известно, что человеческая речь могла появиться лишь с возникновением самого человека. В то же время языковая общность присуща также таким донациональным этническим категориям, как племя и народность⁸. В процессе становления нации роль языка намного увеличивается. Некоторые авторы, недооценивающие значение языка, высказывают немало бесспорных истин о роли хозяйственных, политических и других связей в период формирования нации. Но разве все эти связи не поднимают значения языка как средства общения? Разве язык не должен обслуживать любые сферы хозяйственной и культурной деятельности общества?

Сложны и разнообразны процессы, происходившие в различных языках (главным образом в их функциональном развитии) в период консолидации наций. В одних случаях размежевание наций (в процессе их окончательного оформления) происходило по признаку языка. Так, исследуя пути образования некоторых европейских наций, Ф. Энгельс пришел к такому выводу: «Как только произошло разграничение на языковые группы (оставляя в стороне позднейшие завоевательные и истребительные войны, которые велись, например, против полабских славян), стало естественным, что эти группы послужили определенной основой образования государств, что национальности начали развиваться в нации. Насколько силен был этот стихийный процесс уже в IX веке, доказывает быстрый распад смешанного государ-

⁵ См. «Вопросы философии», 1965, № 11, стр. 87. В своей последней статье «Нация, ее сущность и самосознание» («Вопросы истории», 1967, № 7) А. Г. Агаев не настаивает на вышеуказанном положении, высказывая ценные мысли о роли языка в национальном развитии народов.

⁶ См. «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 115.

⁷ Там же, стр. 116.

⁸ См. об этом подробнее: А. Г. Агаев. К вопросу о теории народности. Махачкала. 1965.

ства Лотарингия»⁹. В. И. Ленин указывал на экономическую основу национальных движений, которая заключается «в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»¹⁰. Эти положения имеют большое методологическое значение при изучении роли языка в национальном развитии многочисленных народов не только Западной Европы, но и других частей мира.

Как известно, языковой признак явился главным в процессе размежевания и консолидации наций в нашей стране. Часть наций (скажем, русская, украинская, грузинская, армянская, азербайджанская, литовская, эстонская, латышская и некоторые другие) оформилась еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Однако абсолютное их большинство окончательно сложилось в годы Советской власти (казахская, туркменская, киргизская, бурятская, осетинская, абхазская и многие другие). И в том и в другом случае в качестве основного, решающего признака выступил язык. Именно язык, несмотря на чрезвычайную запутанность в отдельных случаях территории его распространения, служил основой для национального размежевания. Однако как в прошлом, так и в настоящее время имели и имеют место случаи, когда языковой признак не совпадает полностью с другими признаками складывающихся наций. В частности, невозможно абсолютно точно совместить рамки распространения того или иного языка с территориальными границами национально-государственных образований. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно отмечали, что наиболее типичным для Европы является образование наций на территории того населения, которое говорит на одном языке. Но они в то же время подчеркивали общий и относительный характер этого принципа. «Естественным результатом сложного и медленного исторического развития, через которое прошла Европа в течение последнего тысячелетия,— писал Ф. Энгельс,— является то, что почти каждой большой нации пришлось расстаться с некоторыми периферийными частями своего организма, которые, оторвавшись от ее национальной жизни, большей частью приобщились к национальной жизни какого-нибудь другого народа и уже не хотят воссоединяться со своим основным стволom»¹¹. В таких случаях национальные группы нередко растворяются в окружающих их нациях, хотя и не теряют полностью свой язык. На такой пример указывал Ф. Энгельс в работе «Борьба в Венгрии»: «Венгерские немцы, хотя и сохранили немецкий язык, стали по духу, характеру и обычаям настоящими мадьярами»¹².

Аналогичными примерами изобилует и история нашей страны. Почти все советские нации, республики многонациональны по своему составу. Возьмем для примера Таджикистан, где издавна бок о бок с таджиками живут различные народности, этнографические и национальные группы: язгулямцы, баджуйцы, ваханцы, ишкашимцы, рушанцы, хуфцы, бартангцы, орошорцы, сарыкольцы, населяющие Горно-Бадахшанскую автономную область. По переписи 1926 г., эти малые народности и этнографические группы не были учтены. В 1939 г. количество населения, принадлежавшего к их числу, доходило в общей сложности до 38 тыс. человек. При последней переписи (1959 г.) они уже не фигурируют обособленно, так как причислили себя к таджикам по национальности. В то же время многие из них в каче-

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 410.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 258.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 161.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 181.

стве родного языка назвали свои исконные языки, а не таджикский. В таджикскую нацию вливаются другие ираноязычные этнографические группы: ягнобцы (около 2,5 тыс. чел.), среднеазиатские («бухарские») евреи (около 23 тыс. чел.) и небольшое число белуджей, живущих в южных районах Таджикской ССР. С таджикской и другими среднеазиатскими нациями объединяются и некоторые национальные группы, что в первую очередь сказывается на их языковой жизни. Так, из общего числа среднеазиатских арабов (8 тыс. чел.) во время переписи 1959 г. своим родным языком назвали: таджикский — 2,8 тыс., арабский — 2,5 тыс., узбекский — 2,2 тыс. человек. Почти полностью двуязычны корейцы, живущие в Средней Азии. Они наряду со своим родным усвоили также узбекский и казахский языки.

Эти и другие факты свидетельствуют об интенсивности этнических процессов, происходивших и происходящих при консолидации среднеазиатских наций. Для этих процессов характерны консолидация крупных наций, с которыми сливаются мелкие локальные и родоплеменные группы; значительное сближение (иногда вплоть до полной ассимиляции) с местным коренным населением различных национальных групп. Некоторые из этих групп утратили или утрачивают свой язык, усвоив вместо него языки коренных народов, что говорит о постоянной консолидации этнографических групп с нациями, в пределах которых они проживают.

Смешение народов в нашу эпоху происходит намного более интенсивно. Благодаря этому в советских республиках процессы национальной консолидации непременно сопровождаются интернационализацией состава населения в каждой республике. В этом отношении довольно показательна следующая схема, составленная по данным переписи населения 1959 года.

Численность основных национальностей в республиках Средней Азии и Казахстана по данным Всесоюзной переписи 1959 г. (в тыс. чел.)

Национальность	Узбекская ССР	Таджикская ССР	Туркменская ССР	Киргизская ССР	Казахская ССР	Всего в Средней Азии и Казахстане	Всего в СССР
Всего населения	8 106	1 980	1 516	2 066	9 310	22 978	208 827
в том числе:							
узбеки	5 038	454	125	219	137	5 973	6 015
казахи	335	13	70	20	2 795	3 233	3 622
таджики	311	1 051	—	15	—	1 377	1 397
туркмены	55	—	924	—	—	979	1 002
киргизы	93	26	—	837	—	956	969
каракалпаки	168	—	—	—	—	168	173
уйгуры	—	—	—	14	60	74	95
дунгане	—	—	—	—	10	10	22
корейцы	138	—	—	—	74	211	314
татары	445	57	30	56	192	780	4 968
русские	1 091	263	263	624	3 794	6 215	114 114
украинцы	88	27	21	137	762	1 035	37 253
белорусы	—	—	—	—	107	107	7 913

Таблица показывает, что зачастую не может быть и речи о полном совпадении границ языка и нации. Строго говоря, «исключений» даже больше, чем случаев абсолютно полного соответствия национальной территории и границ распространения языка. Но и эти «исключения», по существу, подтверждают, а не опровергают наш основной тезис о чрезвычайной важности языкового признака для нации, ибо, как правило, степень консолидации нации прямо пропорциональ-

на степени утверждения и распространения основного языка общения. Возьмем, например, те же малые народности и этнографические группы Памира. Они ныне представляют собой одну из непосредственных составных частей таджикской социалистической нации. Если же кто-нибудь из них скажет, что он «памирец», скорее всего это слово прозвучит как географическое понятие. Показательно, что памирцы, как правило, называют себя таджиками. Это значит, что они хорошо знают таджикский литературный язык, на котором ведется обучение в школе и частично в вузах; употребляют этот язык в повседневной жизни, пользуются им в художественном творчестве, внося тем самым определенный вклад в его развитие. Это значит, что таджикская национальная культура обслуживает также памирские народности (этнографические группы), которые, в свою очередь, активно способствуют ее дальнейшему развитию. Это означает, наконец, консолидацию народностей (этнографических групп) Памира с таджикоязычным населением в рамках одной государственности во всех областях экономической и общественно-политической жизни.

Аналогичную картину можно наблюдать и в других советских республиках. Так, в одну нацию с узбеками консолидируются жители некоторых таджикоязычных районов Узбекистана; с туркменами — курды (туркменские); с грузинами — аджарцы, бацбийцы, сваны, мегрелы, кистинцы; с азербайджанцами — таты, будухи, хиналуги, крызы; с молдаванами — гагаузы; с латышами — ливы, латгальцы и т. д.

Во всех указанных случаях объединение малых народностей и этнографических групп с нациями непременно сопровождалось распространением среди них национального литературного языка, который в рамках данной нации является основным средством общения и важнейшим элементом формы национальной культуры. Родные языки малых народностей и этнографических групп также зачастую продолжают функционировать как средство общения, главным образом в быту. Двуязычие малочисленных народов создает им возможность пройти ускоренными темпами по пути национального и социального прогресса. В данном случае мы сталкиваемся с типом двуязычия, которое в будущем приведет к одноязычию.

Проблема двуязычия — сложная проблема. Ее игнорирование может привести к не совсем верному толкованию вопросов развития языковой жизни народов СССР. Так, П. М. Рогачев и М. А. Свердлин в сохраняющихся еще «ощутимых языковых различиях» «внутри сформировавшейся мордовской нации» видят яркий пример «разноязычия представителей одной и той же нации»¹³. Подобное утверждение вызывает ряд законных вопросов.

Во-первых, в какой мере можно утверждать, что процесс формирования мордовской нации уже закончился? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует учесть все специфические особенности национального развития мордвы, которая расселена по нескольким республикам и областям нашей страны. По переписи 1959 г., мордовское население составляло 1 285 тыс. человек. Из них в самой Мордовской АССР проживает лишь треть (340 тыс.). Более или менее компактные группы мордвы живут в Горьковской, Куйбышевской, Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Ульяновской, Челябинской и некоторых других областях РСФСР, а также в Башкирской, Татарской и Чувашской АССР. Не случайно, что вопрос о национальной государственности мордвы решался в четыре этапа. Сначала были созданы национальные административно-территориальные единицы в губерниях и областях РСФСР, где проживало мордовское население. Затем в 1928 г. образовался Мордовский округ, куда вошли районы с мордовским населением из бывших Пен-

¹³ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. Указ. соч., стр. 38.

зенской, Ульяновской и Тамбовской губерний. В 1930 г. была создана Мордовская автономная область с центром в г. Саранске. Наконец, в 1934 г. область была преобразована в автономную республику.

На пути консолидации мордовской нации к территориально-лингвистическим трудностям присоединились чисто языковые, так как литературный мордовский язык одновременно развивается на базе двух диалектов (эрзя и мокша). Материалы переписи не содержат данных отдельно по этим диалектам. Однако, как отмечает А. П. Феоктистов, по ориентировочным данным, эрзяне составляют примерно две трети, а мокшане — одну треть мордовского населения¹⁴.

Аналогичное положение наблюдается также и у некоторых других народов. Например, марийцы обладают двумя литературными языками: лугово-восточным марийским и горно-марийским. Изучение данного вопроса позволило известному советскому языковеду, члену корр. АН СССР В. А. Аврорину заявить, что «продолжает оставаться открытым вопрос, можно ли говорить о монолитных мордовской и марийской нациях»¹⁵.

Во-вторых, в условиях двуязычия советские нации и народности зачастую говорят не только на своем родном языке, но и на языке межнационального общения. Сейчас все чаще употребляется термин «разделение труда» применительно к языкам, высказанный нами впервые в 1961 году¹⁶. Как пишет татарский писатель Р. Мустафин, «в процессе самой жизни сложилось так, что русский язык и национальные языки разграничили сферы своего употребления. В области науки, техники и промышленного производства безраздельно господствует русский язык. Но в сфере быта, в сфере национальной культуры татарский язык занимает и долго будет занимать главенствующее положение»¹⁷. Сказанное в той или иной мере можно отнести ко многим литературным языкам народов РСФСР. Отсюда неизбежно вытекает вывод о том, что в условиях двуязычия языковая общность некоторых наций и народностей может складываться на базе двух языков. При этом родной язык продолжает нести и функции национальной дифференциации. В то же время второй язык (в данном случае русский) как бы ломает речевую замкнутость народов, способствуя все большей интернационализации жизни многочисленных народов нашей страны.

Несмотря на большое распространение различных типов двуязычия и его огромную роль в развитии советских наций и народностей, это важнейшее социальное явление не исследовано с достаточной глубиной. Имеющиеся у философов и историков отдельные высказывания по вопросам двуязычия нередко схематичны и не основаны на анализе конкретного языкового материала. Языковедам же, изучающим данную проблему, зачастую не хватает широкого социологического подхода. Все это, несомненно, тормозит разработку столь важной теоретической и практической проблемы, а без правильного подхода к этому сложному явлению нельзя создать объективную картину национального развития советских народов.

В нашей обширной и многонациональной стране двуязычие встречается в самых различных видах. Многообразие это создается главным образом благодаря участию в нем различных языков. Существует, например, двуязычие осетинско-грузинское, абхазско-грузинское, узбекско-таджикское, курдско-азербайджанское, курдско-армянское, курдско-туркменское, русско-украинское, эвенко-бурятское, эвенко-якутское, татаро-башкирское и т. д. В любом случае двуязычие (а иногда много-

¹⁴ «Языки народов СССР», Т. III. М., 1966, стр. 172.

¹⁵ «Вопросы языкознания», 1960, № 4, стр. 12.

¹⁶ «Литература и жизнь», 17.XII.1961.

¹⁷ «Литература и жизнь», 24.VIII.1962.

язычие) вызвано к жизни исторической необходимостью и имеет большое значение для социального прогресса соответствующих народов. Вполне понятно, что тип двуязычия, в котором в качестве второго языка выступает русский, имеет особо важное значение, так как он в качестве языка межнационального общения дает прекрасную возможность всем советским народам обмениваться между собой культурными ценностями, устанавливать тесные братские узы. На эту роль русский язык выдвинула сама история.

Выбор одного из существующих в стране национальных языков в качестве средства межнационального общения определяется разными объективными факторами, среди которых — экономико-производственная выгода, психологические соображения, исторические традиции, фактическая распространенность данного языка, его развитость. В условиях многонациональной страны, писал В. И. Ленин, «потребности экономического оборота сами собой *определяют* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений»¹⁸.

Русский язык — родной язык самой многочисленной в нашей стране нации, составляющей свыше половины всего населения СССР, — близок также языкам двух других советских наций: украинской и белорусской. Славянское население (русские, украинцы, белорусы) насчитывает около 159 млн. человек, то есть более $\frac{3}{4}$ всех советских граждан. Будучи языком наиболее количественно крупной и развитой нации, вставшей во главе революционных преобразований, русский язык обрел притягательное значение для самых широких кругов многонациональных народов нашей страны. В наши дни, когда экономические и культурные связи между различными народами значительно укрепились, когда в невиданных доселе размерах интенсифицировались процессы интернационализации населения, русский язык стал общим языком межнационального общения.

Роль и значение основного типа двуязычия (родной язык в сочетании с русским языком) можно полностью понять лишь учитывая сложные процессы, происходящие в национальной жизни народов СССР. Как известно, полувековое развитие советских наций и народностей привело к появлению новой исторической общности, имя которой — многонациональный советский народ, — находящейся в диалектической взаимосвязи со своими составными частями — национальными общностями. Эти две формы общности людей соотносительны между собой, как часть с целым, национальное с интернациональным. Изолированное рассмотрение того и другого не может не привести к ошибкам, вызванному односторонним подходом к исследуемому предмету.

С вопросами национального и интернационального в развитии советских народов непосредственно связано и изучение двуязычия. При этом следует избегать схематичности и учитывать сложные диалектические взаимоотношения национального и интернационального, с одной стороны, родного языка и языка межнационального общения — с другой.

Родной язык, являясь важнейшей национальной чертой народов, основным компонентом национальной формы культуры, вместе с тем служит также средством выражения социалистического содержания культуры, интернационального воспитания масс. Язык межнационального общения в тесном взаимодействии с национальными языками обеспечивает главным образом языковую общность многонационального советского народа. Вместе с тем он употребляется зачастую очень широко в некоторых сферах «внутринациональной» жизни и деятельности народов (делопроизводство, высшая, а иногда и средняя школа, общественно-политическая деятельность и т. д.). Таким образом, мы наблюдаем

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 424.

не отмирание языкового признака, а его специфическое проявление в условиях двуязычия некоторых наций и народностей СССР.

Учитывая практику национального развития Западной Европы, часто называют «давно сложившимися нациями» швейцарцев (состоящих из германо-швейцарцев, франко-швейцарцев, итало-швейцарцев и ретороманцев), бельгийцев (включающих фламандцев и валлонов) и канадцев (английского и французского происхождения). В этом вопросе, по-видимому, прав В. И. Козлов, который считает «все эти народы находящимися в еще далеко не завершенном процессе национальной консолидации и не имеющими единого национального самосознания»¹⁹. Об этом свидетельствуют в действительности также столкновения между валлонами и фламандцами по вопросу преимуществ в применении французского или фламандского языков. Что касается терминов «бельгийцы» и «швейцарцы», то, как совершенно справедливо замечает В. И. Козлов, они имеют не этнический, а государственно-политический смысл.

Нередко в научной литературе встречается смешение понятий «языковая общность» и «родной язык», которые, как это видно из вышесказанного, могут не совпадать и в этих случаях по-разному участвуют в процессах становления этнических общностей. Выступая как определенная национальная черта, общность языка не обязательно должна представлять собой дифференцирующий признак (вспомним широко известные факты существования многочисленных англоязычных, испаноязычных и других наций и народностей). Тут принципиально важна сама сущность речевой общности как средства человеческого общения.

С другой стороны, язык как фактор образования национальной общности играет и роль дифференцирующего признака. Сознание языковой однородности коллектива, а также иноязычное окружение на определенных этапах национально-этнического развития не могут не содействовать консолидации нации. Внешнее языковое размежевание на первых порах этнического развития не может не сплачивать одноязычный коллектив, живущий на одной территории и связанный хозяйственной жизнью. Не случайно границы распространения языков становятся и территориальными рамками, в которых происходит этнико-национальное развитие. С этой функцией языка сопряжена и функция «общности средства общения», которую следует рассматривать социологически. В данном случае язык может и не играть роли дифференцирующего признака.

Этническая функция языка кроется в его национальной специфике, в неповторимости ассоциаций образного мышления каждого народа. Отсюда и чрезвычайная привязанность человека к родному языку. Национальное чувство, этническое самосознание во многом базируются на родном языке. Это вполне понятно, так как именно на этом языке слышит человек первые слова матери. Не зря различные народы называют свой язык материнским. Дети какого народа не любят слушать незамысловатые песни и волшебные сказки на материнском языке? У кого из нас не вызывают радостного трепета в душе слова на родном языке, услышанные вдали от родины? Замечательный русский поэт Вяземский писал:

Язык есть исповедь народа,
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной.

Основоположники марксизма-ленинизма подчеркивали важность языка в национальной жизни, они указывали на необходимость быть чрезвычайно внимательными в политике к языку любого народа. Так,

¹⁹ В. И. Козлов. Некоторые проблемы теории нации. «Вопросы истории», 1967, № 1, стр. 96.

В. И. Ленин отмечал: «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству!»²⁰ В. И. Ленин вел непримиримую борьбу с политикой царизма и его апологетов по отношению к национальным меньшинствам, состоявшей «в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов»²¹. В. И. Ленин и Коммунистическая партия всегда придавали большое значение вопросу свободного развития языков народов СССР. Это вытекает прежде всего из ленинского принципа полного равноправия всех народов и всех языков в социалистическом многонациональном государстве. Принцип равенства языков не абстрактно-теоретическое положение. Его прогрессивность и реальный смысл состоят в том, что родной язык служит лучшим орудием наиболее быстрого приобщения широких народных масс к активной общественно-политической жизни, распространения среди них грамотности и образования.

С первых же дней Советской власти началось претворение в жизнь программы КПСС по национальному вопросу. В опубликованной в ноябре 1917 г. «Декларации прав народов России» были юридически закреплены равные права всех народов и национальных языков. Через полтора года VIII съезд партии принял развернутую программу, определившую задачи РКП(б), в частности по национальному вопросу в период перехода от капитализма к социализму. В резолюции X съезда РКП(б) по национальному вопросу были сформулированы главные задачи партии в борьбе за уничтожение фактического национального неравенства народов нашей страны: «Помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке; (в первую голову для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения»²².

Но для того, чтобы осуществить эти важные программные задачи, требовалась громадная работа в области экономического развития ранее отсталых народов, их культуры. Демократизация культуры должна была послужить созданию национальных кадров в ранее отсталых республиках, областях и районах. Чтобы вырастить эти кадры, приобщить народы отсталых окраин России к строительству социалистической экономики и культуры, требовалось прежде всего создание общедоступной письменности на родном языке — основы всестороннего обучения детей и борьбы против безграмотности взрослых. В исторически кратчайшие сроки (10—12 лет) были усовершенствованы все существовавшие письменности (около 20) и впервые созданы алфавиты на 50 (!) языках. По-

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 150.

²¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Изд. 7-е, стр. 559.

²² Там же.

добных грандиозных масштабов языкового строительства не знала история²³. За годы Советской власти в языках народов Советского Союза произошли значительные изменения. Разумеется, основой развития языков послужили грандиозные успехи советского народа в хозяйственном и культурном строительстве. Вместе с тем интенсивность и характер происшедших языковых процессов во многом связаны с наличием и давностью письма на том или ином языке.

Одной из наиболее характерных особенностей развития старописьменных языков в советский период следует считать широкую демократизацию литературного языка. За годы Советской власти эти языки начали употребляться в новых сферах государственной и политической жизни, народного образования, в бурно растущей науке и технике, а также на радио, в кино, театре, телевидении и в других сферах. В соответствии с расширением общественных функций языков появились и развились различные стили литературных языков (стиль делопроизводства, художественной литературы, научной литературы, стиль устной литературной речи и др.). Расцвет литературных языков, их демократизация неизмеримо подняли значение языков в общественной жизни народов, повысили их авторитет. Литературные языки обогатились за счет диалектов, усилив одновременно процесс нивелировки диалектных различий, что, в свою очередь, способствовало консолидации советских социалистических наций.

Еще более разительные изменения произошли за последние полвека в языках, на которых общенародная письменность была создана лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Если до революции языки этих народов употреблялись главным образом в сфере патриархального примитивного производства и быта, то расцветшие за годы Советской власти литературные языки стали отвечать многочисленным новым потребностям жизни. Ныне общественные функции большинства младописьменных языков выражаются в том, что на них создана значительная художественная литература, выходят периодические издания (газеты, журналы, альманахи); ведется обучение в начальной или даже неполной средней школе; функционируют национальные театры или труппы; осуществляется радиовещание, телевидение; проводится значительная хозяйственная, государственная и общественно-политическая деятельность; нередко младописьменные языки употребляются в деловой и частной переписке. В группу младописьменных языков обычно объединяют языки самых различных народов (от ныне развитых социалистических наций, составляющих некоторые союзные или автономные республики, до «малых» народностей Крайнего Севера). Разумеется, и состояние и дальнейшие пути функционального развития этих языков различны в зависимости от многих внеязыковых, общественных факторов.

Определенные сдвиги произошли и в бесписьменных языках. Особенно это сказывается на их словарном составе, куда не могут не проникать новые слова, обозначающие изменения в жизни самих народов. Однако крайняя малочисленность носителей этих языков (нередко от нескольких сотен до нескольких тысяч) и потребности все более интенсивного общения разных народов привели малые народности к двуязычию и многоязычию.

Учет наличия или отсутствия письменности очень важен при рассмотрении языка как признака нации. Правы П. М. Рогачев и М. А. Свердлин, указывая, что у нации «обязательно имеется литературный язык, тогда как для народности это не столь характерно»²⁴. Этой же точки

²³ Подробнее см. Л. М. Зак, М. И. Исаяв. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции. «Вопросы истории», 1966, № 2, стр. 3.

²⁴ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. Указ. соч., стр. 38.

зрения придерживаются и некоторые другие участники дискуссии. Так, Т. Ю. Бурмистрова, развивая вышеприведенную мысль, пишет, что «язык нации — это не только разговорный, но обязательно литературный, с единым грамматическим строем»²⁵. Автор отражает это положение и в своем определении нации, однако, к сожалению, в формулировке говорится о «письменном языке», а не о «литературном языке», что не равнозначно. Письменными называются те языки малых народностей, которые еще не стали основной сколько-нибудь широкой литературной деятельностью (например, языки коряков, ненцев, нанайцев и некоторые другие).

Диалектическая взаимосвязь между языком и национальным развитием обнаруживается во все периоды истории. Эта взаимосвязь была замечена крупнейшими лингвистами еще на заре самой науки о языке. В рамках окрепшего в XIX в. сравнительно-исторического языкознания появилось особое направление, которое ставило своей задачей освещение истории народов по данным языка. Основателем этого направления известному европейскому историку языка Я. Гримму принадлежит крылатое выражение: «Наш язык есть также наша история».

Многие из лучших представителей отечественного языкознания всегда рассматривали язык в тесной связи с историей народа. Особенно характерны в этом отношении труды академиков А. А. Шахматова, С. П. Обнорского и Ф. Ф. Фортунатова, а также ряда современных лингвистов, изучающих развитие языков на широком историческом фоне. Устанавливая закономерности взаимодействия языка и общества, известный советский ученый В. И. Абаев так определяет общий характер связи истории языка с историей народа: «Интенсивность народной жизни стимулирует темпы развития языка»²⁶. К сожалению, до сих пор нет полного единства в понимании социальной обусловленности языка²⁷. Тем не менее уже наметились некоторые общие положения, из которых исходят специалисты при раскрытии взаимозависимости развития общества и развития языка. Понятие «развитие языка» раскрывается в двух планах: в так называемом «внутриструктурном» и социологическом, функциональном. В первом случае обычно речь идет о тех изменениях, которые в разные исторические эпохи наблюдаются в грамматическом строе языка и в его лексике. В социологическом аспекте рассматриваются функциональное развитие языков и те процессы в языковом строе, которые обусловлены социальными факторами. В данном случае для нас важнее социологическое понимание развития языка.

Язык функционирует и развивается в тесной взаимосвязи с обществом. Возникнув как историческая необходимость, язык призван отвечать тем требованиям, которые предъявляет к нему общество. С другой стороны, он отражает состояние общества и активно способствует его прогрессу. В этом диалектическая связь языка и общества. Правы те, кто в качестве критерия при определении уровня развития языка избрал состояние самого общества. Не может быть развитым язык народа, который сам находится на сравнительно низкой ступени общественного прогресса. И, наоборот, язык цивилизованных наций не может быть неразвитым (исключения могут иметь место лишь при двуязычии). Таким образом, под «развитым языком» понимается язык, являющийся средством общения такой исторически сложившейся общности лю-

²⁵ Т. Ю. Бурмистрова. Некоторые вопросы теории нации. «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 103.

²⁶ В. И. Абаев. История языка и история народа. Сборник «Вопросы теории и истории языка». М. 1952, стр. 52.

²⁷ См. Ф. П. Филин. Проблемы социальной обусловленности языка. Тезисы докладов «Язык и общество». М. 1966, стр. 3 и сл.

дей, которая соответствует наиболее высокому уровню производства, науки, техники, культуры и общественно-политической жизни, достигнутому человечеством в данный исторический отрезок времени²⁸.

По своим внутренним качествам нет развитых и неразвитых языков. Скажем, наличие или отсутствие грамматического рода, большого количества падежей, тех или иных звуков и т. п. не свидетельствует о степени развитости языка. С другой стороны, в процессе становления в структуре языка происходят определенные изменения. Основным показателем степени развитости языка служит его лексика. В ней, как в зеркале, можно увидеть состояние общества. Это и понятно, ибо слова не появляются, если нет необходимости выражать соответствующие понятия. Скажем, словарь племенных языков отражал узкий круг понятий, необходимых в соответствующем коллективе. Количество слов языков народностей уже намного больше в соответствии с расширением круга понятий, необходимых при общении членов данного коллектива. Языки современных цивилизованных наций имеют богатый словарный состав, отражающий достигнутый передовой частью человечества уровень развития промышленности, техники, науки, общественно-политической жизни, культуры.

Другим наиболее определенным показателем развитости языка является его стилистическая дифференциация. Так, в неразвитых, бесписьменных языках мы находим в основном разговорно-бытовой и фольклорно-сказочный стили. В то же время в литературных языках передовых наций существует широко развитая система различных стилей: художественный, публицистический, научный, официально-деловой и др. Таким образом, степень развитости языка непосредственным образом связана с широтой функций, которые он выполняет.

В этой связи определенный интерес представляет так называемая социологическая классификация языков, которую за последние годы выдвигают некоторые ученые. Так, с точки зрения выполняемых общественных функций все языки народов СССР делятся на пять групп²⁹: 1) русский язык как язык межнационального общения народов Советского Союза; 2) национальные литературные языки союзных республик (украинский, белорусский, узбекский, казахский, киргизский, туркменский, таджикский, армянский, азербайджанский, грузинский, молдавский, латышский, литовский, эстонский); 3) литературные языки автономных республик и областей (татарский, башкирский, удмуртский, аварский, адыгейский, осетинский, хакасский, чеченский и другие — всего около 40 языков); 4) письменные языки, выполняющие весьма ограниченные общественные функции в национальных округах некоторых немногочисленных северных и других народностей: коряков, ненцев, нанайцев и других — всего более 10 языков; 5) бесписьменные языки, на каждом из которых говорит очень небольшое число людей (от нескольких десятков до нескольких тысяч). Они разбросаны по различным районам Советского Союза: Кавказу, Средней Азии, Крайнему Северу — и относятся к различным языковым семьям и группам.

Идея о функционально-социальной классификации языков поддержана многими лингвистами, философами, социологами, так как открывает новые возможности более глубокого изучения функционального развития языков. Некоторые ученые предложили несколько иные варианты классификации. Так, член-корр. АН СССР В. А. Аврорин придерживается деления языков народов СССР по уровню их функционального

²⁸ См. К. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент. 1963, стр. 34.

²⁹ См. Ю. Д. Дешериев. Социологическая характеристика общественных функций языков народов СССР. «Материалы Всесоюзного координационного совещания по проблеме «Развитие национальных отношений в условиях перехода от социализма к коммунизму». Вып. I. М. 1963, стр. 73—74.

развития на старописьменные, младописьменные и бесписьменные и замечает, что дальнейшее развитие и «уточнение этой классификации могло бы оказать существенную помощь в разработке вопросов, связанных с определением задач и перспектив развития отдельных литературных языков в будущем»³⁰. М. М. Мусин предлагает делить языки народов СССР на четыре группы «с точки зрения современного состояния функционального развития»³¹.

Всех, кто применяет в том или ином виде функционально-социологическую классификацию, не перечислишь. Таких исследователей много. В десятках научных работ уже нашла свое отражение идея о данной группировке языков. Более того, идут поиски путей уточнения и усовершенствования классификации. Не обходится и без споров. Но это вполне понятно, так как вопрос этот чрезвычайно сложный.

Богатый опыт национального и языкового развития в нашей стране позволяет Коммунистической партии совершенствовать свою языковую политику. В этом отношении особенно примечательны положения новой Программы КПСС по вопросам языковой жизни народов СССР. В ней с новой силой прозвучала марксистско-ленинская установка о полном равноправии всех языков. В области национальных отношений ставится задача: «Обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков»³². Вместе с тем в Программе КПСС впервые четко сформулировано положение о языке межнационального общения: «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР»³³. Оба эти положения находятся в полном соответствии друг с другом и отражают двуединный процесс национального развития: расцвет наций и их сближение.

Положение русского языка в Советском Союзе в известной мере сходно с положением языков других советских наций, давших название союзным республикам, которые также являются многонациональными. Поэтому употребление термина «государственный язык» по отношению к любому из языков народов СССР, в том числе и русскому, нельзя считать правомерным, если стоять на позициях абсолютного равноправия всех языков в нашей стране. Известно, какую непримиримую борьбу вел В. И. Ленин против тех, кто ратовал за объявление русского языка «государственным». В статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» он подчеркивал, что «...обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием»³⁴. Об этом приходится напоминать и теперь, так как в последнее время как устно, так и в печати все чаще заходит речь о «государственных языках»³⁵. Это приводит к смешению терминов и ни в коей мере не способствует теоретическому обобщению богатого опыта разрешения национальных и языковых проблем в нашем социалистическом государстве.

³⁰ В. А. Аврорин. Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР. «Вопросы языкознания», 1960, № 4, стр. 10, 17.

³¹ М. М. Мусин. Братство народов — содружество языков. Казань. 1964, стр. 34.

³² «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М. 1962, стр. 115.

³³ Там же, стр. 115—116.

³⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 295.

³⁵ См., например, сборник «Формирование социалистических наций в СССР». М. 1962, стр. 252; сборник «Языки народов СССР». Т. I. М. 1966, стр. 455.

Изучение литературы по национальному вопросу вообще и материалов данной дискуссии в частности позволяет сделать следующие выводы относительно дефиниций.

Во-первых, определение, данное И. В. Сталиным понятию «нация», в части, касающейся языка, не утратило до сих пор своего научного и методологического значения. Кстати, в наиболее общей форме это определение в целом, по-видимому, может быть использовано и в дальнейшем. Во-вторых, наряду с базовым определением целесообразно пользоваться и рядом других «рабочих» дефиниций, в которых оттеняются те или другие вопросы. Удачную попытку в этом плане, как нам представляется, сделал С. Т. Калтахчян, который сформулировал понятие «социалистическая нация»³⁶. М. С. Джунусов дает сразу несколько определений, подчеркивая каждый раз ту или иную сторону нации³⁷. В-третьих, безоговорочное включение в число основных признаков нации «национального самосознания», на чем настаивают некоторые участники дискуссии, вызывает возражения с методологической точки зрения³⁸. Во всяком случае, применительно к советским нациям возведение этого (кстати сказать, производного, вторичного) признака в ранг основных было бы неправильным. В самом деле, зачем подчеркивать «национальное самосознание» советских наций, если наряду с этим не говорить также об их «интернациональном самосознании»? Разве представители различных народов наряду с сознанием принадлежности к определенным нациям и народностям не чувствуют себя в то же время советскими людьми, то есть людьми, принадлежащими к новой исторической общности, имя которой — многонациональный советский народ? Наконец (и это для нас самое главное в данном случае), вышеприведенный материал дает право утверждать, что «общность языка» была и остается важнейшим признаком нации. В этом мы полностью солидарны с Н. А. Тавакаляном³⁹. Действительно, язык возникает и формируется ранее других признаков нации; он более долговечен и менее изменчив; он является основным средством общения данного коллектива людей во всех сферах жизни и деятельности. Для нас, повторяем, нет нации без языковой общности, так же как само человечество не существует без языка.

³⁶ С. Т. Калтахчян. К вопросу о понятии «нация». «Вопросы истории», 1966, № 6, стр. 43.

³⁷ М. С. Джунусов. Нация как социально-этническая общность людей. «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 16 и сл.

³⁸ Прав И. П. Цамерян, отмечая, что национальное самосознание (или самосознание этнической принадлежности) «есть лишь субъективное отражение в сознании человека самого объективного факта существования национальной общности наций» (И. П. Цамерян. Указ. соч., стр. 107).

³⁹ Н. А. Тавакалян. Некоторые вопросы понятия «нация». «Вопросы истории», 1967, № 2, стр. 115 и сл.